ПРЕЗЕНТАЦИЯ НА ТЕМУ «ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ЗАБОЛОЦКОГО НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА»

БИОГРАФИЯ ПОЭТА

Никола́й Алексе́евич Заболо́цкий (Заболотский)(24 апреля 7 мая 1903, Кизическая слобода, Каймарской волости Казанского уезда Казанской губернии — 14 октября 1958, Москва) — русский советский поэт, переводчик. Родился недалеко от Казани — на ферме Казанского губернского земства, расположенной в непосредственной близости от Кизической слободы, где его отец Алексей Агафонович Заболотский (1864—1929) — агроном — работал управляющим, а мать Лидия Андреевна (урождённая Дьяконова) (1882—1926) — сельской учительницей. Крещён 25 апреля (8 мая) 1903 г. в Варваринской церкви города Казани.

Детство

Детство прошло в Кизической слободе близ Казани и в селе Сернур Уржумского уезда Вятской губернии (сейчас республика Марий Эл). В третьем классе сельской школы Николай «издавал» свой рукописный журнал и помещал там собственные стихи. С 1913 года по 1920-й жил в Уржуме, где учился в реальном училище, увлекался историей, химией, рисованием.

В 1920 году, окончив реальное училище в Уржуме, он приехал в Москву и поступил на медицинский и историко-филологический факультеты университета. Очень скоро, однако, оказался в Петрограде, где обучался на отделении языка и литературы Пединститута имени Герцена, которое закончил в 1925 году, имея, по собственному определению, «объёмистую тетрадь плохих стихов». В следующем году его призвали на военную службу.

Служил он в Ленинграде, на Выборгской стороне, и уже в 1927 году уволился в запас. Несмотря на краткосрочность и едва ли не факультативность армейской службы, столкновение с «вывернутым наизнанку» миром казармы сыграло в судьбе Заболоцкого роль своеобразного творческого катализатора: именно в 1926—1927 годах он написал первые настоящие поэтические произведения, обрёл собственный, ни на кого не похожий голос, в это же время он участвовал в создании литературной группы ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства). По окончании службы получил место в отделе детской книги ленинградского ОГИЗа, которым руководил С. Маршак.

Заболоцкий увлекался живописью Филонова, Шагала, Брейгеля. Умение видеть мир глазами художника осталось у поэта на всю жизнь.

Уйдя из армии, поэт попал в обстановку последних лет НЭПа, сатирическое изображение которой стало темой стихов раннего периода, которые составили его первую поэтическую книгу — «Столбцы». В 1929 году она вышла в свет в Ленинграде и сразу вызвала литературный скандал и издевательские отзывы в прессе. Оценённая как «враждебная вылазка», она, однако прямых «оргвыводов»-распоряжений в отношении автора не вызвала, и ему (при помощи Николая Тихонова) удалось завязать особые отношения с журналом «Звезда», где было напечатано около десяти стихотворений, пополнивших Столбцы во второй (неопубликованной) редакции сборника.

Заболоцкому удалось создать удивительно многомерные стихотворения — и первое их измерение, заметное сразу же — это острый гротеск и сатира на тему мещанского быта и повседневности, растворяющих в себе личность. Другая грань «Столбцов», их эстетическое восприятие, требует некоторой специальной подготовленности читателя, потому что для знающих Заболоцкий сплёл ещё одну художественно-интеллектуальную ткань, пародийную. В его ранней лирике изменяется сама функция пародии, исчезают её сатирические и полемические компоненты, и она утрачивает роль оружия внутрилитературной борьбы.

19 марта 1938 года Заболоцкий был арестован и затем осуждён по делу об антисоветской пропаганде. В качестве обвинительного материала в его деле фигурировали злопыхательские критические статьи и клеветническая обзорная «рецензия», тенденциозно искажавшая существо и идейную направленность его творчества. От смертной казни его спасло то, что, несмотря на пытки на допросах, он не признал обвинения в создании контрреволюционной организации, куда якобы должны были входить Николай Тихонов, Борис Корнилов и другие. По запросу НКВД критик Николай Лесючевский написал отзыв о поэзии Заболоцкого, где указал, что «„творчество“ Заболоцкого является активной контрреволюционной борьбой против советского строя, против советского народа, против социализма»[9].

«Первые дни меня не били, стараясь разложить морально и физически. Мне не давали пищи. Не разрешали спать. Следователи сменяли друг друга, я же неподвижно сидел на стуле перед следовательским столом — сутки за сутками. За стеной, в соседнем кабинете, по временам слышались чьи-то неистовые вопли. Ноги мои стали отекать, и на третьи сутки мне пришлось разорвать ботинки, так как я не мог переносить боли в стопах. Сознание стало затуманиваться, и я все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости в отношении тех людей, о которых меня спрашивали…» Это строки Заболоцкого из мемуаров «История моего заключения»

(опубликованы за рубежом на английском языке в 1981 г., в последние годы советской власти напечатаны и в СССР, в 1988).

Срок он отбывал с февраля 1939 года до мая 1943 года в системе Востоклага в районе Комсомольска-на-Амуре; затем в системе Алтайлага в Кулундинских степях; Частичное представление о его лагерной жизни даёт подготовленная им подборка «Сто писем 1938—1944 годов» — выдержки из писем к жене и детям

С марта 1944 года после освобождения из лагеря жил в Караганде. Там он закончил переложение «Слова о полку Игореве» (начатое в 1937 г.), ставшее лучшим в ряду опытов многих русских поэтов. Это помогло в 1946 г. добиться разрешения жить в Москве. Снимал жильё в писательском поселке Переделкино у В. П. Ильенкова.

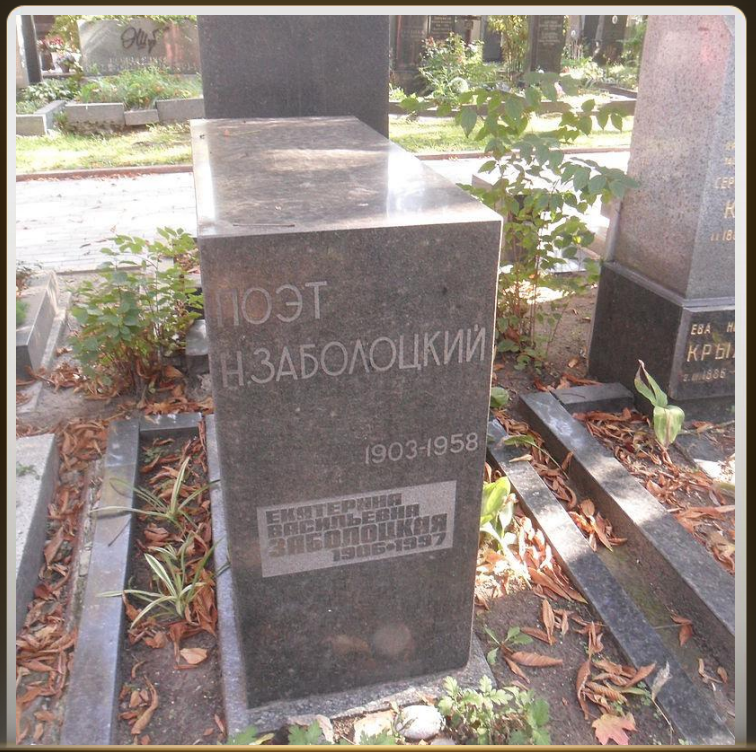
В 1946 году Н. А. Заболоцкого восстановили в Союзе писателей. Начался новый, московский период его творчества. Несмотря на удары судьбы, он сумел вернуться к неосуществлённым замыслам.

Реабилитирован 24 апреля 1963 года по заявлению жены.

Смерть

Хотя перед смертью поэт успел получить и широкое читательское внимание, и материальный достаток, это не могло компенсировать слабость его здоровья, подорванного тюрьмой и лагерем. По мнению близко знавшего Заболоцкого Н. Чуковского завершающую, роковую роль сыграли семейные проблемы (уход жены, её возвращение). В 1955 году у Заболоцкого случился первый инфаркт, в 1958 году — второй, а 14 октября 1958 года он умер.

Похоронили поэта на Новодевичьем кладбище.



ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Раннее творчество Заболоцкого сосредоточено на проблемах города и народной массы, в нём сказывается влияние В. Хлебникова, оно отмечено предметностью, свойственной футуризму, и многообразием бурлескной метафорики. Конфронтация слов, давая эффект отчуждения, выявляет новые связи. При этом стихи Заболоцкого не достигают такой степени абсурда, как у других обэриутов. Природа понимается в стихах Заболоцкого как хаос и тюрьма, гармония — как заблуждение. В поэме «Торжество земледелия» поэтика футуристического экспериментирования сочетается с элементами ироикомической поэмы XVIII века. Вопрос о смерти и бессмертии определяет поэзию Заболоцкого 30-х годов. Ирония, проявляющаяся в преувеличении или упрощении, намечает дистанцию по отношению к изображаемому. Поздние стихи Заболоцкого объединяются общими философскими устремлениями и размышлениями о природе, естественностью языка, лишённого патетики, они эмоциональнее и музыкальнее, чем прежние стихи Заболоцкого, и ближе к традиции (А. Пушкин, Е. Баратынский, Ф. Тютчев). К антропоморфному изображению природы здесь добавляется аллегорическое («Гроза», 1946).

- Со стихотворения «Меркнут знаки зодиака» начинается таинство зарождения главной темы, «нерва» творческих поисков Заболоцкого — впервые звучит Трагедия Разума. «Нерв» этих поисков в дальнейшем заставит его обладателя уделить куда как больше строчек философской лирике. Через все его стихотворения пролегает путь напряжённейшего вживания индивидуального сознания в загадочный мир бытия, который неизмеримо шире и богаче созданных людьми рассудочных конструкций. На этом пути поэт-философ претерпевает существенную эволюцию, в ходе которой можно выделить 3 диалектические стадии: 1926—1933 гг.; 1932—1945 гг. и 1946—1958 гг.

ДАЛЬНЕЙШИЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Сборник «Стихотворения. 1926—1932», уже набранный в типографии, не был подписан в печать. Публикация новой поэмы «Торжество земледелия», написанной в какой-то степени под впечатлением «Ладомира» Велимира Хлебникова (1933), вызвала новую волну травли Заболоцкого. Угрожающие политические обвинения в критических статьях всё более убеждали поэта, что ему не дадут утвердиться в поэзии со своим собственным, оригинальным направлением. Это породило у него разочарование и творческий спад во второй половине 1933-го года, 1934, 1935 годах. Вот тут и пригодился жизненный принцип поэта: «Надо работать и бороться за самих себя. Сколько неудач ещё впереди, сколько разочарований и сомнений! Но если в такие минуты человек поколеблется — песня его спета. Вера и упорство. Труд и честность…» И Николай Алексеевич продолжал трудиться. Средства к существованию давала работа в детской литературе — в 30-х годах он сотрудничал с журналами «Ёж» и «Чиж», которые курировал Самуил Маршак, писал стихи и прозу для детей (в том числе пересказал для детей «Гаргантюа и Пантагрюэля» Франсуа Рабле (1936))

Постепенно положение Заболоцкого в литературных кругах Ленинграда укреплялось. Многие стихи этого периода получили одобрительные отзывы, а в 1937 году вышла его книга, включающая семнадцать стихотворений («Вторая книга»). На рабочем столе Заболоцкого лежали начатые поэтическое переложение древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве» и своя поэма «Осада Козельска», стихотворения и переводы с грузинского. Но наступившее благополучие было обманчивым.

ЗАБОЛОЦКИЙ-ПЕРЕВОДЧИК

Николай Заболоцкий является крупнейшим переводчиком грузинских поэтов: Д. Гурамишвили, Гр. Орбелиани, И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Пшавелы.

Перу Заболоцкого принадлежит перевод поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (1957 — последняя редакция перевода).

О выполненном Заболоцким переводе «Слова о полку Игореве» Чуковский писал, что он «точнее всех наиболее точных подстрочников, так как в нём передано самое главное: поэтическое своеобразие подлинника, его очарование, его прелесть».

Сам же Заболоцкий сообщал в письме Н. Л. Степанову: «*Сейчас, когда я вошёл в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войн, пожаров и лютого истребления, стоит этот одинокий, ни на что не похожий, собор нашей древней славы. Страшно, жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нём знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасный труд! Нет в нём этих сечений, всё в нём полно особой нежной дикости, иной, не нашей мерой измерил его художник. И как трогательно осыпались углы, сидят на них вороны, волки рыщут, а оно стоит — это загадочное здание, не зная равных себе, и будет стоять вовеки, доколе будет жива культура русская*».

Обработал для детей перевод Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Переводил также итальянского поэта Умберто Саба.

СПАСИБО
ЗА ВНИМАНИЕ :3
troll-face.ru